

О ЗАВИНОВСКОМ Д. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЗАВИНОВСКИЙ Дмитрий Иванович. После сокращения работал сторожем в клубе "Красного Путиловца". 18 мая 1929 — выехал из Ленинграда в Сочи, 21 мая арестован, приговорен к ВМН и расстрелян¹.

В мае 1930 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена, А. Г.

«5 мая — 1930 г<ода>».

Глубокоуважаемая, милая и дорогая
тов<арищ> Пешкова

Теперь уже поздно, но плакать никогда не бывает поздно, и вот я, совсем не зная Вас, выливаю всю свою тоску, бесконечную горькую и мучительную за безвинно погибшего мужа, — человека, который виноват лишь только в том, что родился от умных родителей, которые не пропивали свой заработок, а все отдавали своим детям на учение и образование. Погиб человек, обладавший талантом и знанием всех европейских языков, умевший жить в бедности и лишении. С такими знаниями он был ценным и не оцененным человеком для нашей России, ибо он, будучи беспартийным, всегда и во всем помогал самым нуждающимся и просящим у него знаний. Он и учил только за кусок хлеба. Писал заявления неграмотным и последнее время, после сокращения, работал за 40 рублей в клубе "Красн<ого> Путиловца" сторожем, где, зная его, не раз ему предлагали место в местком и поручали всякие ответственные дела. Но видя свою очень маленькую семью, больную жену и ребенка, он решился поехать на юг, чтобы там устроиться на работу и к осени иметь право перевести свою семью. И вдруг прекращаются письма, и, только 18-го мая уехав из Ленинграда, успел послать 3 письма за мной, а 21-го мая был уже арестован, и я ничего не знала, т<ак> к<ак> он первое письмо прислал с адресом своего места заключения только 7 сентября и с тех пор еще две открытки и письмо, в котором, указывая Ваш адрес, просит Вас сообщить, в каком положении дело граж<данина> Завиновского, арестованного в мае 21 дня, обвиняемого по ст<атьям> 58-8, 10, 11 Уг<оловного> Код<екса> в городе Сочи и в данное время находящегося в Новороссийске.

Сразу же я в точности исполнила его последнюю просьбу, но не указала имени Завиновского (т<ак> к<ак> и в письме не было), а мне просто по незнанию не пришло в голову, что из-за одного слова и мне откажут в справке, тем более, что Завиновский был там один, а не несколько человек. Не получив посему от Вас ответа, я вновь послала к Вам вторично с указанием имени, и мне тоже не ответили. Прошло несколько времени, и я, не имея ни от него ни одного слова, ни от Вас скрипела и терпела, ожидая. И вот мои ожидания внезапным извещением от родственников других, вместе с Завиновским арестованных, которые давно уже высланы в Архангельск, узнаю, что несколько человек и в том числе гр<ажданин> Завиновский подвергнуты мере высшего наказания. Но когда — когда и как, несмотря ни на какие усилия и вылитые слезы, я не могу узнать, и вновь прочитав его письмо, в котором он просит узнать, т<ак> к<ак> ему не говорят приговора суда. Я решила слезно просить Вас, дорогая моя тов<арищ> Пешкова, укажите день и час, когда погиб отец и мой муж. Теперь уже не воскресить, а рано или поздно умрем все, бессмертных нет, но зачем же прибегать к смертной казни, когда наш лозунг: "Долой смертную казнь!"

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1: Д. 474. С. 17-19; Д. 521. С. 72-76, 247-247.

Ужасно. Ужасно сильному, крепкому, здоровому по рождению человеку — умереть в полном бессилии. Безвинно, по злобе и вымыслу, которые в настоящее время очень часты, на почве зависти, а позавидовать было чему. Был умен, здоров и добрый. Сколько лиц, узнавая об его участи, рыдали со мною, но моим рыданиям нет конца, ибо я не успела, надеясь на справедливость суда, поехать к его решетке и укрепить его, и ободрить, чтобы не жалел жизни, т^{ак} к^{ак} рано или поздно все умрем. Милая и дорогая товарищ Пешкова, в четвертый раз пишу к Вам. Неужели и на это Вы не дадите ответа. Правда тяжелого сурового, равного <нрзб.>, т^{ак} к^{ак} теплится надежда на спасение по справедливости. Да, не нужно было модничать и отвергать Бога, Он есть и будет, и за отвержение я наказана. Бог отнял у меня мужа и отца моего ребенка, которому начала прививать модное течение. В своем раскаянии, прошу Бога простить меня в неверии, в которое попала. Лучше смерть, но за Бога, который есть и будет, и в этом не смеет никто уверять, а иначе тоже пострадает. Итак, выплавав всю душу, сердце, умоляю Вас все, что можно, сообщить по адресу: Ленинград, Васильевский Остров, Гавань, Остроумова ул<ица>, 24, кв. 4, К. Ярцевой для А. Г.

Прошу, очень прошу, если можно, поподробнее, может быть, он еще жив.

Милая и дорогая тов<арищ> Пешкова, вдруг — Да! Тогда я не знаю, на что я готова»².

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 485. С. 87-92. Автограф.